

ЕЛЕНА ГЕННАДИЕВНА ТРУБЕЦКОВА

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
(Саратов, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-7728-2382; etrubetskova@gmail.com

АНТИУТОПИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПРОЗЕ С. Д. КРЖИЖАНОВСКОГО

А н н о т а ц и я . Предметом рассмотрения стали различные модели будущего развития страны и общества в произведениях С. Д. Кржижановского «Воспоминания о будущем», «Клуб убийц букв», «Желтый уголь». Несмотря на то что антиутопические мотивы являются сквозными в творчестве писателя, они не становились предметом отдельного изучения в литературоведении, что обусловило новизну исследования. Его актуальность связана как с важностью анализа антиутопической проблематики для углубления понимания идейных и философских аспектов творчества писателя, так и со злободневным звучанием поднятых им вопросов. Кржижановский, в отличие от оптимистичных картин общества будущего советской литературы, давал мрачные прогнозы, рисуя пропитанную страхом атмосферу Москвы 1930–1950-х годов («Воспоминания о будущем»), мировой энергетический кризис («Желтый уголь»), показывая разрушительные для личности последствия биоинженерии и централизованного регулирования частной жизни («Клуб убийц букв», «Желтый уголь»). Специфика образа будущего, созданного писателем, уточняется при соотнесении его футурологических прогнозов с картинами будущего в произведениях современников.

К л ю ч е в ы е с л о в а : антиутопические мотивы, проблема свободы личности, С. Д. Кржижановский, «Воспоминания о будущем», «Клуб убийц букв», «Желтый уголь»

Д л я ц и т и р о в а н и я : Трубецкова Е. Г. Антиутопические мотивы в прозе С. Д. Кржижановского // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 1. С. 87–94. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1133

ВВЕДЕНИЕ

Время, когда были созданы основные прозаические тексты Сигизмунда Доминиковича Кржижановского, 1920–1930-е годы, было ориентировано на построение «нового общества» и «нового человека». В пролетарской поэзии в противовес хаосу реальности активно «воздвигался некий град мечты, взыскующей абсолюта» [8: 12]. Утопическое сознание официальной литературы страны победившего социализма рисовало радужные картины будущего, во имя которого необходимо было претерпевать все лишения в настоящем.

В то же время писатели, чьи произведения долгое время оставались неопубликованными, давали пессимистические футурологические прогнозы, предупреждая об опасности воплощения утопического идеала на практике. Наряду с Е. Замятиным, А. Платоновым, Л. Лунцем, М. Козыревым далекий от совершенства образ будущего, в котором нет места свободной личности, рисовал С. Д. Кржижановский.

Об антиутопии как одной из важных тем повестей Кржижановского «Возвращение Мюнхгаузена» и «Клуб убийц букв» писала в первом диссертационном исследовании, посвященном творчеству автора, И. Б. Делекторская¹. Повесть «Клуб убийц букв» вошла в антологию русских антиутопий, составленную В. Г. Перельмутером². Философские аспекты утопического мышления писателя были рассмотрены в эссе А. А. Грякалова [2]. В широком контексте философских, религиозных, теософских идей рубежа веков «пространство антиутопии» было проанализировано в новелле писателя «Бог умер» А. А. Мансковым. Как показал исследователь, «при создании образа конца света в новелле Кржижановский обращается к традиционным сюжетам эсхатологических мифов, используя их как поэтический материал для построения художественной реальности» [5: 144]. Но, несмотря на то что антиутопические мотивы являются сквозными в творчестве писателя, они не становились предметом целостного литературо-

ведческого изучения, что обусловило новизну предпринятого исследования. Его актуальность связана как с важностью рассмотрения антиутопической проблематики для углубления понимания идейных и философских аспектов творчества писателя, так и со злободневным звучанием поднятых им вопросов.

* * *

С. Д. Кржижановский довольно скептически относился к возможности предсказания и тем более моделирования будущего. В его раннем рассказе «Якоби и “Якобы”», опубликованном в 1919 году в киевском журнале «Зори», это фундаментальное сомнение было выражено афористично: частица Якобы говорила своему оппоненту, философу:

«В слове “бытие” я признаю без возражений первую его часть – слог “бы”<...> Сумма всех сомнений в бытии (что вполне согласно с критерием Декарта) и есть единственное бытие, вам доступное: его бы следовало называть “Великим Бы”»³.

Несмотря на скепсис по отношению к прочтствам, предощущение будущего отражено и в повестях, и в рассказах писателя. При соотношении индивидуального представления Кржижановского о будущем и коллективного, характерного для его времени, можно говорить о формальной типичности идей писателя для литературного контекста 1920-х годов: это путешествие во времени, проверка современности будущим, изобретение новых технических приборов, позволяющих существенно улучшить материальное благополучие. Однако, в отличие от большинства современников, прогнозы писателя оказываются крайне пессимистичны. Его будущее – не «Солнечный град» Андрея Белого, не «город-сад» Маяковского, в его представлении Москва через десятилетия не ослепительно праздничная, «забрызганная золотом весеннего солнца, в гвоздиках и розах знамен и плакатов» (какой она представала, например, в «Первомайском сне» В. Кириллова⁴) и не город-парк, утопающий в садах (как рисовалось герою «Путешествия моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» А. Чайнова). В Москве будущего у Кржижановского царит «нерасцветающее предутрие, застрявшее меж дня и ночи», где «сам воздух был пепельно-сер» (Т. 2: 413). Эта унылая безысходность резко контрастирует с цветовой гаммой будущей столицы у современников, например у А. Чайнова, героя повести которого «поражало почти полное отсутствие черного цвета»: атмосферу праздника создавали «яркие голу-

бые, красные, синие, желтые» мужские куртки, «женские очень пестрые платья»⁵.

Путешествие в Москву 1940–1950-х годов совершает герой повести Кржижановского с оксюморонным заглавием «Воспоминания о будущем» (предположительно созданной в 1929 году и, как и большинство других произведений писателя, не опубликованной при его жизни). Макс Штерер переносится на несколько десятилетий вперед не во сне, не во время какого-то прозрения, а на машине времени. После романа Герберта Уэллса эта идея была развита многими современниками писателя, в первую очередь – в пьесах В. Маяковского («Клоп» и «Баня»), М. Булгакова («Блаженство» и «Иван Васильевич»). Существенным отличием повести Кржижановского является детальное описание созданного героем аппарата – времяреза и философские размышления о феномене времени и его сложной связи с пространством⁶. При этом герой не замечает реального времени, оно не интересно ему. В. В. Горошников определил основную проблематику повести как конфликт между личным временем героя и социально-историческим временем⁷. Штерер, как выражается он сам, ведет «партию со временем». Реальное время «обгрызает» героя: его мобилизуют во время Первой мировой, несколько лет он проводит в плену, революция отнимает у него полученное наследство, которое было необходимо для реализации замысла.

Когда ему все-таки удастся «закапкантировать время», он осуществляет прыжок в будущее. По наблюдению В. В. Горошникова [1: 155] и Л. Н. Караевой, ускорение времени в повести связано с сужением пространства [4: 61]. Свое путешествие на времярезе герой совершает из послереволюционной Москвы, «гигантского сплюсненного человечника» (Т. 2: 392), не покидая своей небольшой комнаты в Зачатьевском переулке. В моделировании художественного пространства повести, как и в ряде других произведений Кржижановского («Окно», «Окна», «Москва в первый год войны», «Салыр-гюль» и др.⁸), важную роль играет образ окна, через которое герой и видит происходящие с городом изменения: «Окно моей комнаты было открыто <...> оно должно было превратиться для меня в окно вагона, мчащегося из эпох в эпохи» (Т. 2: 410). Традиционно выполняя функцию границы внутреннего и внешнего пространств, в «Воспоминаниях о будущем» окно не только вводит взгляд «вне» и мотив наблюдения, оно становится своеобразным временным порталом.

Необходимо отметить, что, строя сюжет повести вокруг путешествия героя во времени, Кржижановский крайне скупно использует этот прием для описания целостного образа будущего. Он упоминает отрывочные эпизоды, последний из них относится к 1957 году. Как замечает В. Г. Перельмутер, здесь отсылка к сорокалетию революции одновременно вводит и аллюзию на сюжет Исхода: это «сорокалетнее <...> странствование в пустыне времен, тщетная попытка исхода в обетованную эпоху» [6: 665]. Вернувшись в середину 1920-х годов, герой предпочитает не рассказывать об увиденном: «...увидел такое... такое...» (Т. 2: 417). Писатель использует прием умолчания, но оно красноречиво: упоминаются только наполненные страхом мертвые глаза путешественника во времени. После того, что увидел герой, ему не страшны никакие катастрофы и гибель. В финале повести он бесследно исчезает. Но слышавших его рассказ это не удивляет. Те, кто «мыслил против часовой стрелки», постепенно вытеснялись из пространства активно отстраивающейся Москвы 1920-х годов, «исчезали» из реального времени, что и происходит с героем.

Таким образом, «Воспоминания о будущем», вопреки своему заглавию, само будущее показывают крайне фрагментарно. Однако, если учитывать как наиболее вероятную дату создания повести 1929 год [6: 664], писатель поразительно точно уловил главную тенденцию времени, основной характеристикой которого был нечеловеческий страх. «Исчезновение» главного героя предвосхищает «исчезновение» людей как из ближнего круга писателя, так и знаковых фигур общественной и культурной жизни. В частности, подобная судьба ждала многих современников Кржижановского, так или иначе связанных с историко-литературным контекстом повести. Михаил Левидов, ставший прототипом одного из главных героев – Иосифа Стынского, был арестован в 1941 году и расстрелян в 1942-м. Борис Пильняк (в повести упомянутый как «гражданин писатель Тыльняк» (Т. 2: 404)) был арестован в 1937 году, в 1938-м расстрелян. Два крупных политических деятеля, связанные с кругом московских литераторов, изображенными в повести, тоже вскоре «исчезли» из общественной жизни: в 1934 году был арестован и в 1936-м расстрелян Л. Б. Каменев; в 1937 году арестован, а в 1938-м расстрелян Н. И. Бухарин, возглавлявший в 1934–1937 годах «Известия».

Не менее пессимистичные картины будущего даны в других произведениях автора: «Клуб убийц букв» и «Желтый уголь». В них можно видеть более детальную картину общественного устройства. В обоих текстах изменение жизни человечества связано с техническими изобретениями, направленными на повышение уровня жизни граждан, однако на деле приводящими к разрушительным последствиям.

В повести «Клуб убийц букв» (1926), построенной как цепь рассказов «замыслителей», отрекшихся от писательства во имя «чистых, неосуществленных, свободных замыслов» (Т. 2: 14), один из героев описывает создание в будущем мощных аппаратов, эксов (экстериоризаторов, устроенных по типу антенн-излучателей), отделяющих «психику от мускулов», парализующих волю человека и заставляющих его осуществлять движения, запрограммированные извне:

«...необходимо социализировать психики <...> выдуть из-под черепа управляемым потоком эфира все эти прячущиеся по головам психические содержания <...> вывернуть все наши in в ex» (Т. 2: 63).

Успех эксперимента стал возможен после опытов по изоляции у испытуемых «мускульной сети от воздействия нервной системы» (Т. 2: 67). Рассказчик описывает, как благодаря специальным виброфагам сознание и психика у подопытного блокировались и излучатели-эксы посылали его мускулам запрограммированные экспериментатором импульсы. Таким образом, технический и научный прогресс позволил создать идеальную рабочую силу:

«Отделенная, совершенно безболезненно, от мозга и настроенная соответствующим образом мускульная сеть каждого из этих новых людей представляла собой естественную антенну, которая, воспринимая эфирную волю гигантского иннерватора, проделывала машинную, единую на всех них действительность» (Т. 2: 79).

Изначально опыты ставились над душевнобольными, и в этом ученые видели несомненную пользу:

«Мускулы, переключенные со своих явно негодных и даже опасных для общества нервных центров на один центральный иннерватор... будут работать совершенно безвозмездно – на пользу общества и государства» (Т. 2: 80).

Люди с психическими заболеваниями считались низшими, бесправными существами. В этом проявлялись как отголоски характерного для многих культур представления о сумасше-

ствии как своего рода проклятия, так и популярной в 1920-е годы евгеники. Авторское замечание, что в эту эпоху количество душевнобольных «непомерно возросло» (Т. 2: 72), становится символической характеристикой времени. В повести Кржижановского «все усилия науки не могли справиться с этим бедствием, слишком тесно связанным с ростом психических нагрузок и кривизнами быта» (Т. 2: 72). Позднее герой Пастернака, характеризуя 1920-е годы (время создания повести Кржижановского), тоже будет говорить о «болезни» времени. Только метафорой эпохи в «Докторе Живаго» становятся не психические, а кардиологические заболевания: «В наше время очень участились микроскопические формы сердечных кровоизлияний. <...> Это болезнь новейшего времени»⁹. Живаго, поэт и врач, объясняет эту болезнь «причинами нравственного порядка»:

«От огромного большинства из нас требуют постоянного, в систему возведенного криводушия. Нельзя без последствий для здоровья изо дня в день проявлять себя противно тому, что чувствуешь...»¹⁰.

Герой Пастернака умирает в Москве в 1929 году (в год Великого перелома) от сердечного приступа. Умирает в душном трамвае. Для современников Пастернака в трагическом финале судьбы Живаго была явно реализована блоковская метафора: «...поэт умирает, потому что дышать ему уже нечем»¹¹. Слова поэта, сказанные по поводу смерти Пушкина, стали пророческими и по отношению к его собственной судьбе, и к судьбе многих его современников.

Повесть «Клуб убийц букв» писалась в 1925–1926 годах, Кржижановский отмечал, что во время работы над ней был впечатлен чтением «Истории социальных утопий»: «...тема щекочет мозг. Иногда возникают замыслы»¹². Описанное в повести стремление правительства «социализировать психику» отражало и пародийно заостряло тенденцию времени к обобществлению и тотальному контролю государства над всеми областями жизни. В другой повести, «Возвращение Мюнхгаузена», завершённой в 1927 году, к 10-летию юбилею революции, Кржижановский описывает опыты Института нивелирования психик в Москве 1920-х годов, где с помощью электроизлучателей локализируют мышление на поверхности черепной коробки и затем на волосах испытуемого. С помощью изменения пробора, а в трудных случаях – бритвы налысо изменяют отношение пациента к государству, свободе и т. д.

Точного времени действия рассказчик из «Клуба убийц букв» не сообщает: «Утеряна дата дня, когда идея об эксах впервые впрыгнула в голову человека. Кажется, это было чуть ли еще не в середине двадцатого столетия или и того раньше» (Т. 2: 62). Модель общества, изображённую здесь Кржижановским, можно охарактеризовать как тимократию, описанную еще в «Государстве» Платона, – несправедливую власть граждан, получивших ее не благодаря своим способностям, а благодаря насилию. Здесь власть сосредоточена в руках Верховного Правительственного совета, принимающего решения, кого подвергать воздействию иннерваторов, то есть превращать в раба, кого оставлять человеком. Со временем в эксперимент включались все новые и новые слои населения. Действию излучателей стали подвергаться прежде всего те, кто осмеливался протестовать против решений правительства.

В повести Кржижановского включенных в эксперимент стали называть экс-людьми. Возникло это название по метонимическому переносу от названий аппаратов – эксов; можно услышать здесь и отсылку к слову «эксперимент», но не менее значимым стал и еще один смысл: испытуемые превращались в «бывших людей», опыт с излучателем уничтожал личность:

«Тирады о “свободной воле” передовица объявляла запоздавшими на несколько веков – и даже чуть смешными в эпоху научно обоснованного и проверенного детерминизма; насущно важно дать не свободу воли <...> а свободу от воли...» (Т. 2: 76).

Здесь можно видеть переключку с описанной Е. Замятиным строго регламентированной, особенно после операции по удалению фантазии, жизнью нумеров «Единого государства». Был ли знаком писатель на момент создания повести с романом Замятина, неизвестно. В любом случае мы можем говорить о точно уловленной писателями тенденции времени, сулящего «горе тому, кто смеет мыслить в эпоху мыслекоса» (Т. 1: 394).

Изображенный в повести эксперимент по нивелированию индивидуальной психологии и созданию эксов при всей фантастичности отражал и реальные проекты современников писателя, в частности полемично воплощал предложенный А. Гастевым «новый массовый инженеризм, превращающий пролетариат в невиданный социальный автомат»¹³. С. Семенова, анализируя проект поэта и организатора Центрального института труда, отмечала «зловещие

пути» изменения природы человека, «непокорную эгоистическую натуру» которого планировалось так «укоротить», «чтобы лишить ее эмоциональности, всякой личностности и тем привести к “гармонии”, функциональной целесообразности слаженного машинного агрегата» [8: 17]. Нивелирование индивидуальных различий должно было, по задумке Гастева, выражаться и в отказе от традиционных имен, человеческая и трудовая единица обозначалась буквами или цифрами; каждая минута жизни заранее была распределена и отражена в особой «хронокарте» члена социума. Последствия усовершенствования человеческой личности и общества по подобному образцу показывает герой Кржижановского. Но если в утопических проектах теоретиков и пролетарских поэтов «мы» мыслилось как новая ступень развития человечества [3: 273], [8: 15], то в повести Кржижановского толпа эксов – это безличная людская масса, лишённая человеческих качеств.

Хотя рассказчик из «Клуба убийц букв» не вводит реальных топонимов, не придает героям национальный колорит, описанная модель общества являлась предостережением для государства, пошедшего по пути всеобщего единомыслия. Предостерегающе изображались и описанные в повести открытия в области физиологии и психологии (ср. с целью Гастева создать «биомеханического человека»): изначально направленные на улучшение жизни общества, они приводили к уничтожению личности.

Уязвимость технических изобретений, наивность уверенности человека в своем могуществе стали предметом изображения и в новелле «Желтый уголь», где описан глобальный энергетический и продовольственный кризис, охвативший планету:

«Войны и стихия превратили землю в растратчику своих энергий. Нефтяные фонтаны иссякли. Черный, белый, голубой и зеленый угли, что ни год, давали все меньший энергетический эффект <...> Бестопливье грозило машинным бездвижьем. <...> Землю температурыло» (Т. 3: 65).

Выходом из кризиса становится открытие нового источника энергии – мельчайших чувствительных приборов, фиксирующих и аккумулирующих раздражение и гнев людей. Внезапное озарение посещает изобретателя, профессора Лекра, во время наблюдения за «жужжащей растревоженным людским роём

улицы» (Т. 3: 67) толпой, сающейся в общественный транспорт:

«...груды лезли на спины; но спины, злобно шевеля лопатками, не уступали ни дюйма». «Люди сменялись, но ничего не сменялось в людях; стиснутые скулы, бодающие воздух лбы и протаранивающие путь локти непрерывно одни вослед другим» (Т. 3: 67).

Лекр предлагает использовать «энергию злобы, рассеянную по множеству человеческих особей» (Т. 3: 69). Желтый уголь, изобретенный профессором, – это разлитие желчи, которое использовано теперь на благо общества. Когда техническое новшество было апробировано, стали сужать дверные проходы, делать неудобными ручки и ступени, и в скором времени энергетический кризис, к которому подошло человечество, был преодолен. Если вначале экономисты и социологи беспокоились, что «ресурсы злобы, таящиеся в человечестве, могут быть быстро растрачены и исчерпаны» (Т. 3: 73), и всеми силами пытались искусственно подогреть межнациональную и классовую ненависть, постоянное раздражение по отношению друг к другу супругов, родителей и детей, то вскоре выяснилось, что искусственные «интенсификаторы злобы» не нужны:

«...естественные запасы многообразных видов этой энергии, начиная от брезгливости и кончая бешенством, были до неопределимости огромны и, по-видимому, неисчислимы» (Т. 3: 73).

Изменилась социальная иерархия. Наиболее востребованы стали неудачники: «озлобленные жизнью желчевики оказались наиболее удачно приспособленными к новой культуре» (Т. 3: 77). «Добродушные и мягкосердые» были обречены на смерть.

Благодаря аккумуляции ненависти человечеству удалось преодолеть глобальный кризис, настало некое подобие золотого века. Кржижановский здесь обыгрывает цветовое сходство: это золото не надо было добывать –

«оно само желтыми желчинками высачивалось из печени и промывалось в круговращении крови. Печень для каждого превратилась в тугую набитый и чудесно неиссякающий кошелек» (Т. 3: 79).

Вместо тесных клетушек люди стали жить в просторных домах, постепенно был упразднен тяжелый физический труд. Однако в растущем благосостоянии крылась и опасность достигнутого благоденствия: раздражение появлялось все реже и реже, бесплатный источник энергии, казавшийся вечным, иссяк. Любопыт-

но, что «отлив моря желчи» (Т. 3: 82) обусловил и упадок науки и искусства: без «озлобленных умов» и «гневных вдохновений, изостренных, как жала, перьев, омоченных в жизнь» (Т. 3: 82), ничего нового человечество изобрести не могло. Новелла Кржижановского, созданная в 1939 году, отражала контекст эпохи: экономическую депрессию, охватившую Европу и Америку, предощущение мирового энергетического кризиса, угроза которого не теряет актуальности и сегодня. Место действия в новелле не конкретизировано, события происходят в одной из европейских стран. Предощущение катастрофы у Кржижановского получает планетарный масштаб. Борьбой с мировым кризисом, по задумке писателя, занята международная организация КОНОЭ (Комиссия по изысканию новых энергий). И здесь, как справедливо отмечает В. Г. Перельмутер [7: 610], писателю удалось предсказать задолго до их возникновения создание неправительственных международных организаций, призванных решать мировые проблемы, одной из них стало основанное в 1957 году МАГАТЭ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, хотя С. Д. Кржижановский скептически относился к футурологическим прогнозам, его предсказания во многом оправдались. Подчеркну, речь идет не о буквальном совпадении, а о тенденциях. Фрагментарно изображенные картины жизни Москвы 1930–1950-х годов и судьба главного героя «Воспоминаний о будущем» предвосхитили атмосферу тотального страха, воцарившуюся в стране. Актуальными для современности остаются задачи преодоления глобального энергетического кризиса, с которым человечество сталкивается в «Желтом угле». Особую значимость получают описанные Кржижановским этические проблемы, которые ставит перед человечеством научно-технический прогресс («Клуб убийц букв», «Желтый уголь»). В отличие от советской коллективистской утопии, ориентированной на нивелирование личности ради блага общества, Кржижановский показывает опасность воплощения утопического идеала и напоминает о цене, которой может быть достигнуто счастливое будущее. Часто это цена человеческой жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Делекторская И. Б. Эстетические воззрения Сигизмунда Кржижановского: От шекспироведения к философии искусства: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 159 с.
- ² Кржижановский С. Д. Клуб убийц букв // Русская антиутопия: Антология / Сост. В. Перельмутер. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2014. С. 473–634.
- ³ Кржижановский С. Д. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1 / Сост., предисл. и коммент. В. Г. Перельмутера. СПб.: Симпозиум, 2001. С. 114. Далее текст цитируется по данному изданию, номер тома и страницы приводятся в скобках.
- ⁴ Кириллов В. Первомайский сон: Фантастический рассказ. С приложением статьи М. Нике. Б. м.: Salamandra P. V. V., 2016. 32 с. (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CLXXXVIII). С. 6.
- ⁵ Чайнов А. В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // Чайнов А. В. Московская гофманиада / Послесл. В. Б. Муравьева; Примеч. В. Б. Муравьева, С. Б. Фроловой. М.: Издательский Дом ТОНЧУ, 2006. С. 217–275.
- ⁶ Роман Уэллса, вышедший в 1895 году, на русский был переведен в 1900-м и оказал большое влияние на современников. В отличие от Кржижановского, Уэллс не уделял пристального внимания самому устройству фантастического аппарата, его больше интересовали размышления о судьбе цивилизации, что он и отразил в описании существования элоев и морлоков. Однако, как и позднее Кржижановский, Уэллс описал в своем произведении научные и философские идеи времени. По свидетельству самого автора, толчком к написанию рассказа, положенного в основу «Машины времени», стало слушание доклада по нашумевшей книге Чарльза Хинтона «Что такое четвертое измерение?» в 1887 году, где британский математик, развивая идеи неевклидовой геометрии, обосновал гипотезу о времени как четвертом измерении пространства и поставил вопрос о возможности перемещения по временной оси столь же свободно, как и в пространстве. Для русской культуры не менее важной, чем книга Ч. Хинтона, стала концепция П. Д. Успенского, изложенная в работе «Четвертое измерение» (1909), где автор рассматривал время как пространство высшего порядка. Еще одним актуальным научным контекстом для понимания изобретения героя Кржижановского явилась теория Германа Минковского о четырехмерном псевдоевклидовом пространстве. Макс Штерер ссылаясь на нее и пытался ее опровергнуть, желая «перекоординировать» пространство-время Минковского, добавить недостающий знак в формулу времени: «... для этого нужно увидеть другое время, усложнить четырехзначную формулу Римана пятым знаком t », герой пытался найти короткий путь, «в обгон изгибу t -мерностей»» (Т. 2: 408).
- ⁷ Горошников В. В. Экзистенциальная проблематика прозы Сигизмунда Кржижановского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2005. С. 17.

- ⁸ Вопрос об особом «оконном тексте» Кржижановского был поставлен В. Н. Топоровым, который рассмотрел символику образа в контексте анализа уникального «минус»-пространства в прозе писателя [9: 558]. О миро-моделирующей функции окна в новеллах и очерках Кржижановского см.: [10: 118].
- ⁹ Пастернак Б. Л. Доктор Живаго // Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 4: Доктор Живаго, 1945–1955. М.: Слово/SLOVO, 2004. С. 480.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Блок А. А. О назначении поэта // Блок А. А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. Л.: Худож. лит., 1982. С. 419.
- ¹² Кржижановский С. Д. Письмо А. Г. Бовшек 27 июля 1925 года // Кржижановский С. Д. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6 / Сост., подгот. текста и коммент. В. Г. Перельмутера. М.; СПб.: Б.С.Г.-Пресс: Симпозиум, 2013. С. 32.
- ¹³ Гастев А. К. Индустриальный мир. [Харьков]: Всеукр. отд. искусств Нар. ком. рос., 1919. С. 77.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горошников В. В. Опыт «транстемпоральных путешествий» в повести С. Кржижановского «Воспоминания о будущем» // Образование, наука и техника: XXI век. Вып. 3. Ханты-Мансийск, 2005. С. 155–157.
2. Грякалов А. А. «Эпоха великого переселения мыслей» (Литература и «анти/утопия». Опыт Сигизмунда Кржижановского) // Философский век. Альманах. Вып. 13. Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2000. С. 41–78.
3. Желтикова И. В. Утопия и образ будущего в русской мысли конца XIX – начала XX в. // Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма / Сост. и отв. ред. О. А. Богданова, А. Г. Гачева. М.: Индрик, 2016. С. 258–275.
4. Караева Л. Н. Динамика пространства в прозе Сигизмунда Кржижановского: (на материале повести «Воспоминания о будущем») // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2012. Т. 18, № 5. С. 60–63.
5. Мансков А. А. Пространство антиутопии в новелле С. Кржижановского «Бог умер» // Утопический дискурс в русской культуре конца XIX–XXI веков: литература, живопись, кинематограф. М.: Флинта, 2021. С. 130–145.
6. Перельмутер В. Г. Комментарии // Кржижановский С. Д. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. СПб.: Симпозиум, 2001. С. 611–700.
7. Перельмутер В. Г. Комментарии // Кржижановский С. Д. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. СПб.: Симпозиум, 2003. С. 602–673.
8. Семенова С. Г. Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов. Поэтика – Видение мира – Философия. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. 590 с.
9. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. 624 с.
10. Трубецкова Е. Г. Функции окна в прозе С. Кржижановского // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2023. Т. 25, № 6. С. 118–124. DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-93-118-124

Поступила в редакцию 06.11.2024; принята к публикации 23.12.2024

Original article

Elena G. Trubetskova, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Professor, N. G. Chernyshevsky Saratov State University (Saratov, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-7728-2382; etrubetskova@gmail.com

DYSTOPIAN MOTIFS IN SIGIZMUND KRZHIZHANOVSKY'S PROSE

Abstract. The article examines various models of future development for both the country and society as depicted in the works of Sigizmund Krzhizhanovsky, specifically in *Memories of the Future*, *The Letter Killers Club*, and *Yellow Coal*. Although dystopian motifs are prevalent throughout Krzhizhanovsky's writings, they have not been the subject of a separate study, which highlights the originality of this research. The study's relevance lies in its exploration of dystopian issues, which are essential for understanding the ideological and philosophical dimensions of the author's work, as well as the pressing questions he raises. In contrast to the optimistic visions of future society found in Soviet literature, Krzhizhanovsky presents a more pessimistic outlook, capturing the fear-laden atmosphere of Moscow during the 1930s through 1950s (*Memories of the Future*), the implications of a global energy crisis (*Yellow Coal*), and the potential consequences of bioengineering and the centralized regulation of private life (*The Letter Killers Club*, *Yellow Coal*). This article clarifies the unique portrayal of the future crafted by Krzhizhanovsky by comparing his futurological predictions with those of his contemporaries.

Key words: dystopian motifs, problem of individual freedom, Sigizmund Krzhizhanovsky, *Memories of the Future*, *The Letter Killers Club*, *Yellow Coal*

For citation: Trubetskova, E. G. Dystopian motifs in Sigizmund Krzhizhanovsky's prose. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(1):87–94. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1133

REFERENCES

1. Goroshnikov, V. V. Experience of “transtemporal traveling” in Sigizmund Krzhizhanovsky's novel *Memories of the future*. *Education, science and technology: the XXI century*. Issue 3. Khanty-Mansiysk, 2005. P. 155–157. (In Russ.)
2. Gryakalov, A. A. “The epoch of the great migration of thoughts”. (Literature and “anti/utopia”. Experience of Sigismund Krzhizhanovsky). *Philosophical Century. Almanac*. Issue 13. Russian utopia of the Age of Enlightenment and the traditions of world utopianism. St. Petersburg, 2000. P. 41–78. (In Russ.)
3. Zheltikova, I. V. Utopia and the image of the future in the Russian thought of the late XIX and the early XX centuries. *Utopia and eschatology in the culture of Russian Modernism*. (O. A. Bogdanova, A. G. Gacheva, Eds.). Moscow, 2016. P. 258–275. (In Russ.)
4. Karayeva, L. N. Dynamics of the space in Sigismund Krzhizhanovsky's prose (based on the novel material “Reminiscences About Future”). *Vestnik of N. A. Nekrasov Kostroma State University*. 2012;18(5):60–63. (In Russ.)
5. Manskov, A. A. The space of dystopia in Sigizmund Krzhizhanovsky's novel *God is Dead*. *Utopian discourse in Russian culture between the late XIX and the XXI centuries: literature, painting, cinematography*. Moscow, 2021. P. 130–145. (In Russ.)
6. Perelmuter, V. G. Commentary. *Krzhizhanovsky, S. D. Collected Works: In 6 vols*. Vol. 2. St. Petersburg, 2001. P. 611–700. (In Russ.)
7. Perelmuter, V. G. Commentary. *Krzhizhanovsky, S. D. Collected Works: In 6 vols*. Vol. 3. St. Petersburg, 2003. P. 602–673. (In Russ.)
8. Semenova, S. G. Russian poetry and prose of the 1920s and the 1930s. *Poetics – World Vision – Philosophy*. Moscow, 2001. 590 p. (In Russ.)
9. Toporov, V. N. *Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in the field of mythopoetic: Selected works*. Moscow, 1995. 624 p. (In Russ.)
10. Trubetskova, E. G. Functions of a window in the prose of S. Krzhizhanovsky. *Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanitarian, Biomedical Sciences*. 2023;25(6):118–124. DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-93-118-124 (In Russ.)

Received: 6 November 2024; accepted: 23 December 2024